

Расторгуев Николай

116) 0203
(ср. в. 1)

18

ШОУ-БИЗНЕС

ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ НИКОЛАЙ РАСТОРГУЕВ ВЗЯЛ АВТОГРАФЫ ВСЕГО У ДВУХ МУЗЫКАНТОВ

«Главное, ребята, не пыжиться»

“ТЕБЕ будет скучно, - предупредил меня Расторгуев на вокзале, - музыканты в группе непьющие, драк и скандалов не жди, впереди - два рядовых концерта”. Направляясь на гастроль с “Любэ” по Белоруссии, в общем-то, я понимал, что ничего похожего на “секс, наркотики и рок-н-ролл” не увижу. Я надеялся, что за два дня, проведенных бок о бок с музыкантом, смогу понять, что позволило Расторгуеву из парня, когда-то лихо распевавшего про “клетчатые брюки” и “Дусю-агрегат”, превратиться в кумира миллионов не самых глупых людей.

Кефир для кумира

КУРЕНИЕ ароматных трубок (количеством шесть штук) у лидера “Любэ” приобрело оттенок священнодействия. Такое ощущение, что он даже спит, не вынимая трубки изо рта. Однажды проводница попыталась запретить ему курить в вагоне. Естественно, ее никто не послушал, но Расторгуев воспринял это как личное оскорбление и запомнил на всю жизнь.

На завтрак в номер рулевой “Любэ” заказывает стакан кефира, чай с лимоном и черный хлеб. Кроме чая, завтрак так и остается нетронутым. На сон он отводит себе пару часов и, перед тем как лечь, заказывает на обед “обыкновенных” щей, но вспоминает про них уже перед выездом на концерт. Выясняется, что будить его раньше времени никто не решился, а

сам он не знал, кому звонить, чтобы принесли заказ.

“Ты знаешь какие-нибудь наши песни наизусть?” - спрашивает меня лидер “Любэ”. “Нет, - честно ответил я, - только отдельные строчки”. “Жаль, а то бы я тебя в хоры поставил, - то ли в шутку, то ли всерьез продолжил он. - Чем больше народу на сцене, тем лучше”.

Выходя из номера, Расторгуев надписывает штук двадцать открыток. А в лифте вспоминает: “Я сам брал автограф за свою жизнь только у двух людей - у Мика Джаггера и гитариста, играющего в группе Эрика Клэптона. К самому Клэпτονу меня охрана так и не подпустила. Я все прекрасно понимаю, сам такой”. Тем не менее после концерта в гримерку к главному “любэшнику” прорывается проводница поезда с мужем и сыном, и Расторгуев командует охране: “Пропустите Галю, она за нами вчера ухаживала”. Когда гости расходятся, спрашиваю: “Ты сегодня на концерте пел песню про барина, который любит выпить с простыми людьми. Уж больно он у вас праведный, сказочный какой-то получился”. “Ни фиги не сказочный, - протестует Николай, - иногда знаешь как хочется выпить с простыми слесарями”. Однако вместо “простых слесарей” (проводница не в счет) в гримерку с вопросом “Можно с вами сфотографироваться?” просачиваются командующие дивизиями, начальники ОМОНа, вдова актера Еременко (в Минске) и далеко не “простые” друзья.

Концерты “Любэ” размеренностью и сдержанностью напоминают атмосферу эпохи

ВИА. В них нет рок-н-рольного угара, когда солист рвет на груди майку и брызжет в публику слюной. Нет декораций, балета и специальных концертных костюмов, как это принято у поп-звезд. Перед выходом на сцену гитарист Алексей спросил у Расторгуева: “Коль, я белую рубашку не буду надевать, палец поранил, боюсь все кровью забрызгать. Надену синюю майку. Ты не против?” “Да надевай что хочешь, - прозвучал ответ. - Главное, ребята, - не пыжиться”. Вот музыканты и не пыжятся. Распевные, теплые песни “Любэ” соответствуют пейзажу за окном, особенно когда путешествуешь по необъятным российским просторам на поезде. Убаюкивают (“Там, за туманами, синими, пьяными...”, “Отчего так в России березы шумят”), заманивают в ностальгические сети (“Ребята с нашего двора”, “Трамвай “Пятерочка””). Военно-милиейский блок, состоящий из песен “Комбат”, “Солдат”, “Давай за...”, “Прорвемся, опера”, отчего-то вызвал у публики наибольший энтузиазм и восторг.

День сурка

ПРИ всем внешнем спокойствии видно, как у “бятни-комбата” все клокочет внутри. На романсе “Позови меня тихо по имени” прямо на сцене у него начали наполняться слезами глаза. Уже в гримерке он дал волю чувствам и по-детски расплакался. “Володю Мулявина вспомнил”, - как бы извиняясь за слабость, выдал он.

В Израиле на рядовом концерте “Любэ” на сцену выскочил расчувствовавшийся сол-

дат с автоматом и в микрофон заорал: “Спасибо группе “Любэ” за то, что она поддерживает израильскую армию в борьбе с палестинскими экстремистами!” Этот военно-патриотический экстаз поклонника Расторгуев прокомментировал так: “Когда пою песни, я ничего специально не делаю, не вхожу ни в какие образы, не задумываюсь над каждой строчкой. Иногда бывает, что пою на автомате и мысленно нахожусь где-то очень далеко от тех сюжетов, о которых пою. Например, не думаю о солдате, когда пою “Солдата”. И если ты меня спросишь, почему эти песни так действуют на публику, я тебе отвечу: “Не знаю”.

А мне кажется, я кое-что понял про лидера “Любэ”. Несмотря на суровый взгляд и брутальность, несмотря на его внешность человека с героической судьбой, он способен расплакаться, исполняя романс, или просто забыть текст. А потом в гримерке беззлобно заметить: “Забыл, и ведь ни одна сволочь не подсказала”. Способен сказать о войне не пошло, без ложного пафоса или вдруг спеть “Бабушку” с такой теплотой и нежностью, что невольно начнешь всхлипывать и сам. “Уныние - наш враг”, - все время повторял Расторгуев и при этом ходил как в воду опущенный. “Вроде бы ан-

шлаг в зале, хорошо принимают, а какая-то маета в душе. Наверно, я не отдохнул как следует. Так хочется с сыном куда-нибудь уехать и на лыжах покататься,” - мечтал он о банальных вещах всю поездку. А по возвращении в Москву добавил: “Концерты - это, конечно, здорово, но как же надоедает все остальное - переезды, перелеты... Просто какой-то День сурка...”

Владимир ПОЛУПАНОВ,
Гродно - Минск - Москва
Фото Геннадия УСОЕВА

Аргументы и факты - 8003 - фев. 1996 - с. 18